

Х. Вальтер, В. М. Мокиенко

РУССКИЕ ПРОЗВИЩА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

The article deals with the problem of the description of modern Russian nicknames, which are a special type of words and phraseology, uniting functional-semantic characteristics of appellatives and proper names. The definition of this circle of lexics as well as its categorical features and classification are discussed. The authors show in detail the parameters forming the basis of the above-mentioned vocabulary of contemporary Russian nicknames: the corpus of the dictionary, grammatical and stylistic characteristics, typology of definitions, etymological explanations. Wide chronological (the language of XIX–XX-th century), dialectal and sociolectal frames of the described material are given.

Словарь современных русских прозвищ, принципы составления которого обсуждаются далее, вырос из лексикографической серии описаний современной живой русской речи – серии, издаваемой авторами и кругом их единомышленников – последователей школы Б. А. Ларина [см.: БСЖ, 2000; Walter, Mokienko, 2001; Мокиенко, 2003; Walter 2003; Вальтер и др., 2003а; и др.]. Корпус словаря прозвищ, как и банк данных любого словаря, создавался исподволь: достаточно большая часть материала уже была описана в названных и других лексикографических справочниках (особенно одноязычных и двуязычных тезаурусах русского жаргона), еще бóльшая – накапливалась и ждала своего часа. Однако этот словарь не механическая компиляция из указанных трудов, а концентрированное собрание русских прозвищ, потребовавшее и целенаправленных поисков нового материала, и специального целостного лингвистического осмысления, и иных, чем в других словарях, принципов лексикографической обработки, обусловленных ономастической спецификой объекта описания.

Осознавая, что прозвища и клички являются неотъемлемой частью речевого узуса, мы, работая над предыдущими словарями, тем не менее отодвигали составление специализированного собрания русских прозвищ на будущее. Разнородность и разно-

качественность материала, зыбкость границы между нарицательной лексикой и именами собственными, нерешенность теоретических проблем квалификации прозвищ и кличек были сдерживающими факторами практической работы. Импульсом к активизации работы по составлению словаря стало обсуждение этой идеи на международной конференции в Щецине (2003), посвященной активным процессам развития современных славянских языков, где один из неутомимых пассионариев жаргонологии, создатель самой полной библиографии по социолектам и издатель многих словарей живой русской речи А. А. Шумейко настоятельно доказывал нам необходимость заполнения этой лакуны в отечественной лексикографии.

Как «малый жанр» фольклора прозвища и клички включаются в самые разные издания: в собрания кратких современных афоризмов, в паремиологические сборники, в словари жаргона, просторечия и т. п. [см., например: БСЖ, 2000; Вальтер и др., 2003б; Елистратов, 1994, 2000; СМЖ, 1992; Никитина, 1996, 1998, 2000, 2003а, 2003б; Максимов, 2002; Квеселевич, 2003; Щуплов, 1998, 2003; и др.]. Появились, наконец, и специализированные словарики такого материала – например, журналистские собрания кличек [ЖРП, 2003; Щуплов, 1999] и первый региональный (Республики Коми) словарь кличек [Волкова, 2003]. Проблема действительно созрела хотя бы для предварительного лексикографического обобщения.

В качестве экспериментального был, как это уже стало традицией для составителей, издан небольшой словарь современных русских прозвищ [Вальтер, Мокиенко, 2004], который обсуждался на конференциях в Санкт-Петербурге и Костроме (2004) и в беседах с некоторыми коллегами – жаргонологами, ономастами, членами Петербургского фразеологического семинара. Обратившись к опыту наших предшественников, особенно к публикациям Н. А. Волковой и Н. И. Волковой, а также к ряду русских, польских, немецких и других разысканий о прозвищах и кличках [см.: Вальтер, Мокиенко, 2004, библиография], и активировав собственные «сусеки», мы сосредоточили свои усилия на составлении полного варианта такого словаря.

Попытаемся очертить круг вопросов, связанных с лексикографическим описанием соответствующего материала.

Сущностная проблема – точная лингвистическая дефиниция прозвищ и кличек, поскольку от нее зависит определение границ словаря, его словник. Во многих современных словарях русского жаргона эти два обозначения употребляются как синонимы, нередко даже отдается предпочтение наименованию кличка, а не прозвище. Это можно объяснить пейоративностью слова «кличка», той его негативной оценочностью, которая наиболее соответствует характерному для современной русской живой речи и публицистики духу карнавализации, языкового «стеба». Такая оценочность, собственно, «закодирована» во внутренней форме термина «кличка». По определению В. И. Даля, он образован от очень продуктивного глагольного гнезда *кликать* ‘возглашать, взывать, кричать, звать, призывать кого и т. п.’ и определяется как ‘имя или название, данное животному, особенно собаке, птице’. Такая дефиниция подтверждается фразой *Как он кличется?* (о животном), а также пословицами и поговорками: *По псу и кличка; Не смотри на кличку, смотри на птичку; Корова без клички – мясо; У всякой собаки своя кличка; По шерсти собачке кличка дана; Знает ли попугай кличку свою?* [Даль, 2, 118]. Слово *прозвище* или *проззвище* во времена В. И. Даля было вариантом

термина *прозв́анье* ‘проименование, фамилия человека, придаточное имя, какое носит вся семья; иногда *прозв́анье* значит добавочную к семейному родовому прозванию *кличку*, стар. *рекло*; имя, какое приложили кому в шутку или по какому-либо случаю’ [Даль, 3, 485]. Хотя в народной и старинной традиции *кличка* тяготеет к обозначению животных, в качестве «добавочного», шуливого прозвания этот термин бытовал и раньше.

Слово *прозвище* потеряло основное прежде значение ‘фамилия’ (в других языках это слово или однокоренные с ним это значение сохраняют – ср. укр. *прізвище*, белор. *прозвішча*, словацк. *príezvisko* и др.), но определенная корреляция его со словом *кличка* актуальна и для современного русского языка. Семантически они, пожалуй, даже сблизились.

Определяя *прозвище* как ‘название, данное человеку помимо его имени и содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица’, словарь под редакцией Д. Н. Ушакова иллюстрирует ее яркими примерами типичных прозвищ: «Николай I получил прозвище *Палкин*, а последний из Романовых, Николай II, заклеямен прозвищем *Кровавый*»; «Виленскому генерал-губернатору дано было прозвище *Вешиатель*»; «А зовут меня Касьяном, а по прозвищу *Блоха*» [ТСРЯ, 3, 933]. Ср. также: *кличка* – ‘название, имя, даваемое домашним животным’; ‘прозвище, прозвание, которое дают какому-л. человеку в шутку, насмешку, а также с какой-л. специальной, например, конспиративной целью. *За ним укрепились к. чудака. Партийная к.*’ [ТСРЯ, 1, 1375].

Определения ТСРЯ с несущественными модификациями повторяются практически всеми последующими толковыми словарями [см.: БАС, 5, 1038; 11, 1087; Ожегов, Шведова, 1997, 277, 610; БТС, 433, 1008]. Показательно при этом, что и в ТСРЯ, и в БАС второе определение слова *кличка* выделено знаком //, т. е. еще трактуется как оттенок к значению ‘имя домашнего животного’, а в последующих словарях уже идет под самостоятельным номером 2. Возможно, данный факт – как и то, что в современных словарях *кличка* во втором значении последовательно определяется через *прозвище*, свидетельствует о тенденции развития семантики в направлении к синонимии. Однако в дефинициях второго слова, как правило, уже отсутствует негативная оценочность, свойственная термину *кличка*, и эта «объективизация» также уходит корнями во внутреннюю форму слова *прозвище* – «прозвание, именование кого-либо кем-либо».

В большинстве словарей лингвистической терминологии *прозвище* и *кличка* отсутствуют [см., например: Культура русской речи, 2003]. Это не означает отсутствия у них терминологического статуса, ибо сводный словарь славянской лингвистической терминологии не только фиксирует их (правда, как полные синонимы), но и приводит их славянские и некоторые европейские соответствия: укр. *прізви́сько*, белор. *мянушка*, польск. *przezwiśko*, чеш. *přezdívkа*, словацк. *prezývka*, в.-луж. *přimjeno*, *přemjeno*, н.-луж. *psimě*, болг. *пpякоp*, *прозвище*, макед. *прекар*, серб. *надимак*, хорв. *prišvarak*, словен. *vzdevek*, англ. *nickname*, фр. *surnom*, нем. *Übername*, *Spitzname*, *Spotname* [SSLT, 238–239]. Уже сама внутренняя форма многих из этих наименований весьма ярко и разносторонне характеризует соответствующие единицы. Показательно, тем не менее, что именно этот словарь демонстрирует неразработанность соответствующих понятий в европейской лингвистике как отсутствием дифференциации терминологических обозначений, подобных русским *прозвище* и *кличка* (ср. болгарские и немецкие параллели), так и тем, что, в отличие от многих других терминов, этот ряд в словаре не дефинирован.

Лишь в двух современных лингвистических энциклопедиях – польской и украинской – находим основательную характеристику терминов, соотносимых с интересую-

щими нас русскими. Им посвящены отдельные словарные статьи известных ономастов Ч. Косыля [WJP, 435–437] и П. П. Чучки [2000, 493]. Считая прозвища и клички (*przezwiiska*) классом личных имен, характерным особенно для крестьянской и ученической (resp. студенческой) среды, Ч. Косыль подчеркивает, что генетически и функционально они ближе к фамилиям, чем к именам, и отражают процесс спонтанной антропонимизации. Категориальными признаками прозвища и клички признаются неофициальность, факультативность (в сравнении с именами и фамилиями, которые обязательны) и вторичность (т. е. общее ощущение, что эти антропонимы не являются «правильными»).

Украинский исследователь П. П. Чучка также не разграничивает терминов «прозвище» (*прізвисько*, *вуличне прізвисько*) и «кличка» (*кличка*), определяя их как «вид антропонима, неофициальное личное наименование, которым среда индивидуализирует или характеризует лицо» [Чучка, 2000, 494]. Особо подчеркивая эмоциональную окрашенность школьных прозвищ и их способность сохранять лексическое значение, автор отмечает, что этими свойствами они близки к «языческим именам наших предков». Оба исследователя дают весьма детальные классификации способов образования прозвищ и кличек в польском и украинском языках, во многом совпадающие с классификацией Н. А. Волковой, предложенной для русского материала в предисловии к нашему экспериментальному словарю [см.: Вальтер, Мокиенко, 2004, 5–10].

Таким образом, лингвистический статус понятий и терминов *прозвище* и *кличка* несомненен, ибо он выводится из их ономастологической и функциональной специфики. Не случайно эта категория лексики известна во всех языках и имеет весьма близкие формы развития в современном узусе. Так, в немецком бывшего канцлера Гельмута Коля называют *Birne* (букв. «груша») по форме его головы, министра иностранных дел Фишера *Taxifahrer* («водитель такси») по его прежнему роду занятий и т. д. То, что в немецком этот тип номинации не развивает сейчас такой активности, как в русском, можно объяснить экстралингвистическими факторами, а не спецификой соответствующего языкового явления.

Итак, термин «прозвище» тяготеет к более общему номинативному диапазону, чем «кличка». Категориальная коннотативность второго термина делает его специализированной характеристикой. Отсюда исключительно активное функционирование кличек в жаргоне, просторечии и их отражение в современных средствах массовой информации. Такие клички сейчас выполняют общественный заказ на характеристику общественных деятелей, в том числе политиков, преподавателей, предпринимателей, звезд телеэкрана и радио уже потому, что потребность в их экспрессивных наименованиях как никогда ощущается обществом. Прозрачность мотивировочного признака, которая обычна при создании современных прозвищ данного типа, является мощным ресурсом такой экспрессивности. В то же время последняя требует постоянной «перезарядки», которая и осуществляется по «наработанным» структурно-семантическим моделям, поддерживая открытость ряда и прозрачность номинации.

Взаимопересекаемость терминов «прозвище» и «кличка», их пограничный статус между именами собственным и нарицательным, повышенная экспрессивность большинства из них и другие свойства обуславливают большую качественную разнородность и зыбкость границ между разными группами этих единиц, которые уже обратили на себя внимание исследователей [см.: Воронцова, 2002; Волкова, 2003, 2004]. Для лексикографического описания прозвищ особое значение имеет разграничение таких их

групп, как клички известных политических деятелей, популярных артистов, певцов и других знаменитостей – с одной стороны, прозвища школьных учителей и учеников – с другой, шутливо-иронические прозвища представителей разных народностей или жителей отдельных местностей – с третьей, и т. д.

Понятно, что каждая из таких групп «прозвищной» лексики имеет свою функциональную, семантическую и стилистическую специфику и может изучаться и лексикографически описываться отдельно. Одни из них (например, прозвища известных деятелей и знаменитостей) достаточно определенно очерчены по сфере номинации и словнику. Другие (например, прозвища учителей и учеников, многие профессиональные клички) практически неисчерпаемы в силу своей «индивидуальной анонимности». Третьи (прозвища представителей разных народностей или жителей отдельных местностей, некоторых профессий) приближаются к нарицательной лексике с оценочным значением и потому представляют собой достаточно открытый ряд.

Остановимся подробнее на каждой из этих групп прозвищ и кличек.

Прозвища знаменитостей (политиков, писателей и публицистов, артистов, шоуменов, спортсменов, олигархов и т. п.) характеризуются тем, что в силу широкой известности объекта номинации они в какой-то мере утрачивают (или отражают в ослабленном виде) категориальное свойство прозвища – корпоративность, или камерность [см.: Подольская, 1988, 10–11; Волкова, 2004, 5], т. е. принадлежность к относительно узкому социуму. Распространенность некоторых из них благодаря средствам массовой информации достигает глобальных размеров, превращая их в онимы-интернационализмы. Таковы, например, прозвища перифрастического типа *Железный Канцлер* (Бисмарк), *Железная Леди* (Маргарет Тэтчер), *Великий Кормчий* (Мао Цзедун) или «внешние» клички типа *Горби* (Горбачев). Многие из них порождают целые серии аналогичных наименований «местного масштаба», закрепляя тем самым исходную мотивационную доминанту. Ср.: *Серый Кардинал* (первоначально – доверенное лицо кардинала Ришелье, монах отец Жозеф, сейчас – прозвища Б. А. Березовского, В. В. Путина, С. Б. Иванова, В. Юмашева), *Железная Леди* – (*Русская*) *Железная Леди* (В. И. Матвиенко), *Железная Леди КИРФ* (С. П. Горячева), *Железная Леди Красноярска* (А. М. Куленкова) и т. п. Возможно и образование новых прозвищ по существующим моделям: *Железный Канцлер* – *Железный Феликс* (Ф. Э. Дзержинский), *Серый Кардинал* – *Рыжий Кардинал* (А. Чубайс); *Железная Леди* – *Янтарная Леди* (К. Прунсене) и т. п.

Показательно, что такого рода интернациональные прозвища нередко становятся своего рода языковыми «бумерангами», быстро перелетающими из одной части мира в другую. Так, прозвище М. Тэтчер *Железная Леди* впервые появилось 20 января 1976 г. в советской газете «Красная звезда» как реакция на ее агрессивные выпады в адрес СССР и спустя пять дней было процитировано в газете «Sunday Times», сразу став популярным в Великобритании и других странах мира. Правда, у англичан более распространен другой вариант этого прозвища – *the Iron Maiden* (букв. ‘железная девушка’) [Koraliński, 2000, 491]. Иные варианты этого русского, но ставшего интернациональным прозвища возможны и в других языках – например, польск. *Żelazna Dama* [Там же], которое употребляется окказионально и по отношению к некоторым известным женщинам в самой Польше – например, Ганне Гронкевич-Вальтц [Bońko, 2003, 288]. Ср. также польск. *Żelazny Józef* (Йозеф Циранкевич), образованное по модели русского *Железный Феликс* [Там же].

Эту особенность первой категории прозвищ не следует, однако, возводить в абсолют. Во-первых, далеко не все они характеризуются отмеченной выше распространенностью. Даже «персоны высшего ранга», естественно притягивающие как магнит креативную энергию создателей прозвищ и кличек, нередко становятся объектом достаточного локальных и окказиональных наименований. Так, среди прозвищ В. В. Путина лишь малая часть известна большинству носителей русского языка уже потому, что многие из них порождены не реальной, концептуальной характерологичностью российского президента, а лишь ассоциативно-языковой, народно-этимологической игрой слов. Многие из них, между прочим, восходят к школьному и студенческому прошлому В. В. Путина: *Путя, Путька, Дутый Пу, Путёнок, Гадкий Путёнок, Капутин, Путйна*. Показательно, что и современные создатели прозвищ президента широко используют эти номинативные приемы: *Распутин, Рас-Путин, Хапутин*. Даже прозвище В. В. Путина, данное ему президентом США Дж. Бушем, любящим одаривать кличками свое окружение, идет в этом ассоциативно-звуковом направлении – *Пути-Пут* (англ. *Puty-Put, Pootie-Poot*) [Компромат.Ru; Волкова, 2003, 680]. Между детскими кличками В. В. Путина и современными нередко обнаруживается прямая зависимость. Так, крылатое выражение *Мочить в сортире*, которое вызвало массу иронических обыгрываний в СМИ [см.: Bierich, 2002, 58; Мокиенко, 2002, 158–163; Душенко, 2002, 345], прихотливо наложило на его детскую кличку *Путёнок*, дав сочетание *Туалетный Путёнок*.

Отнюдь не глобальны, а достаточно периферийны по употреблению и современные прозвища президента, эксплуатирующие типовые модели номинации: по внешности (*Крысёнок, Моль, Мужчина, приятный во всех отношениях*), по чертам характера и манере поведения (*Психологический Каннибал, Серый Кардинал*), профессиональной деятельности в прошлом (*Чекист-Перестройщик, Штази, Вице-Собчак*), связью с другими лицами (*Кронпринц*). Они запускаются в оборот преимущественно бульварной прессой, что обусловлено общим высоким рейтингом В. В. Путина в стране. Наиболее частотным прозвищем, по нашим наблюдениям, остается стилистически почти нейтральное *ВВП*, образованное инициалами имени, отчества и фамилии.

Актуальность и «личностная конкретность» наименования тем не менее делают прозвища первой группы весьма удобным и в принципе исчерпываемым материалом лексикографирования. К таким языковым единицам вполне применим ларинский принцип относительно полного лексикографического описания [см.: Мокиенко, 1999б], поскольку их границы диктуются конкретными и исчисляемыми объектами номинации.

В нашем экспериментальном «Словаре русских прозвищ» [Вальтер, Мокиенко, 2004] эта группа описывается именно по такому принципу полноты. Он обеспечивается сплошной выборкой материала из современной прессы, литературы, справочников «Кто есть Кто», теле- и радиопередач, Интернета, записей информантов, анкетированием в разных городах России и скрупулезным учетом лексикографической продукции наших предшественников (в том числе и наших жаргонных словарей, словаря языка Совдепии, словарей фразеологии и крылатых слов и др.). Следует особо подчеркнуть важность точной и корректной паспортизации каждого использованного нами источника. И не только потому, что намеренная «анонимизация» используемых ныне многими лексикографами источников способна вызвать и вызывает справедливые протесты и упрёки в плагиате – таков, например, резкий, но справедливый вердикт А. Щуплова по поводу авторов «Словаря современного жаргона российских политиков и журналистов» (М.,

2003) в «Литературной газете» – «жертвы плагиата» [см.: Щуплов, 2004]. Читатель, внимательный к источниковедческим справкам в словаре, получает представление о распространности каждого наименования, о степени его новизны, о времени его появления (или хотя бы первой регистрации) в русской речи и т. п.

Реализацию принципа лексикографической полноты для первой группы прозвищ во многом обеспечило обращение к такому современному источнику информации, как Интернет. Интернетные данные позволили скорректировать дефиниции многих прозвищ, полученных из разных источников, обеспечили объективацию стилистических помет, дали возможность продемонстрировать динамичность всей системы наименований известных деятелей российского политического, культурного и делового пространства. Во «всепроницаемости» интернетной «материальной базы», кстати, также заключается специфика и полнота представленности в словаре первой группы прозвищ.

Прозвища учителей и учеников, преподавателей и студентов, профессиональные клички и т. п. – вторая группа прозвищ. Она отличается от первой группы, как уже отмечалось, «анонимностью» объектов наименования. Подчеркнем, однако, что эта «анонимность» является лишь сужением масштаба известности конкретных лиц, которые обозначены соответствующими прозвищами. В своей социальной среде многие такие прозвища могут быть весьма популярны и частотны. Тем не менее суженность зоны распространения налагает на эту группу определенные функционально-семантические ограничения, прямо проецирующиеся на принципы их лексикографического описания. В отличие от вполне исчислимых источников материала для описания первой группы, «материальные ресурсы» второй группы практически неисчерпаемы: каждая социальная ячейка нашего общества порождает такие прозвища. Часть из них в некоторых регионах добросовестно и квалифицированно фиксируется лексикографически (например, прозвища Республики Коми [Волкова, 2003, 2004]), часть корректно описывается словарями молодежного жаргона [Никитина, 1996, 2003б; СМЖ, 1992; Максимов, 2002; и др.], часть (и весьма значительная) иррадируется в Интернет самими носителями школьного, студенческого и профессионального жаргона в разного рода словариках, «приколах» и чатах. Определенную часть материала составители предлагаемого словаря собрали сами (например, в школе № 74 Санкт-Петербурга с помощью учениц М. Кошеверовой и В. Мокиенко) или посредством анкетирования (особенно в Пскове с помощью Т. Г. Никитиной, Е. И. Рогалевой и их сотрудников и студентов).

Именно частный характер и неисчерпаемость данного материала, являющиеся спецификой этой группы прозвищ, заставляет нас избрать по отношению к ним иную стратегию описания. Здесь принцип лексикографической полноты воплощается в виде полноты описания типологических моделей наименования. Мы попытались отразить в словаре не абсолютную массу реальных прозвищ этого типа в русском языке, а их «генеративные модели», равно как и структурно-словообразовательные типы, типичные образцы, по которым они активно производятся на всем современном языковом пространстве.

В правильности такого подхода убеждают реально зафиксированные на различных территориях прозвища учителей и школьников, преподавателей и студентов. Они имеют много общего, даже тождественного, что особенно рельефно отражается в семантических моделях соответствующих наименований.

Коллективные прозвища, третья группа включенных в словарь наименований, – это обобщенные обозначения лиц разных народностей, жителей отдельных местностей

и представителей отдельных профессий. По своему ономастическому и функционально-семантическому статусу они достаточно зримо отличаются от рассмотренных выше групп прозвищ. Данная группа весьма разнородна, так сказать, по определению. Причем эта разнородность проецируется на два таких «осевых» лингвистических параметра, как пространственный и хронологический. В пространственном отношении коллективные прозвища охватывают как межнациональные объекты номинации (прозвища представителей разных народов – немцев, американцев, итальянцев, цыган и т. п.), так и широко- или узколокальные – вплоть до прозвищ жителей одной деревни или одного дома.

К первым относятся многочисленные экспрессивные наименования типа *колбаса*, *колбасник*, *копчёный*, *фриц*, *Адам Адамыч*, *Бауер* [Walter, Mokienko, 2001, 73], *Иван Иваныч* [ПРН, 347], *Нинко* [Балдаев, 1, 278; БСЖ, 383], *Сасос* [БСЖ, 525], *сосиска*, *шмерец* [ПРН, 347] – прозвища немцев; *лягушатник* [Shlyakhov, Adler, 130; Walter, Mokienko, 2001, 284], *франк* [Елистратов, 1994, 511; БСЖ, 632], *френч* [Елистратов, 1994, 512; БСЖ, 632–633] – прозвища французов; *аллёрик*, *аллора* [БСЖ, 34], *аллорец* [Елистратов, 1994, 21], *макаронина* [Там же, 235], *макаронник* [Walter, Mokienko, 2001, 285] – прозвища итальянцев; *китаёз*, *китаёза* [Елистратов, 1994, 196; Росси, 1, 155], *лямло*, *лямлю* [СРВС, 4, 175; ТСУЖ, 100; Мильяненков, 160], *узкоплёчный* [Юганов, Юганова, 225], *узкоглазый*, *фазан* [СРВС, 2, 218; ТСУЖ, 184], *хань* [Балдаев, Белко, Исупов, 267; Балдаев, 1997, 2, 120; БСЖ, 642], *чайн*, *чайна* [Елистратов, 1994, 540; БСЖ, 664], *чимчигрыз* [БСЖ, 672], *чинарик* [Walter, Mokienko, Niemeyer, 110; БСЖ, 672], *чумиза* [Мак-Киенго, Уоллер, 243; Балдаев, Белко, Исупов, 282] – прозвища китайцев; *свиное ухо* – прозвище татарина [ПРН, 348] и т. д.

К локальным прозвищам относятся многочисленные наименования весьма различного пространственного диапазона, зависящего от известности и значимости (нередко исторически обусловленной) объекта номинации: *скобарь* – пскович, житель Пскова [Андреев, 1995, 8]; *ершеед*, *капустник*, *мякинник* – то же [ПРН, 332]; *долбёжник* – новгородец, житель Новгорода [Там же, 332]; *дровосек* – житель Рузы, рузец [Там же, 50]; *кашехлёб* – кирилловец, житель Кириллова [Там же, 332]; *крошевник* – копорец, житель Копорья [Там же, 330]; *лапотник* – 1) клиновец, житель Клина; 2) крещанин, житель Крестца [Там же, 332]; *поросятник* – можаец, житель Можайска [Там же, 331]; *белозерские сметки* – белозерцы, жители Белозерья [Там же, 332]; *чернонёбый* – коломнец, житель Коломны [Там же, 331]; и т. п.

Коллективные прозвища последнего типа представляют собой во многом наименование традиционной народной культуры и уходят своими корнями в необозримое поле русских диалектов. На временной оси такие прозвища восходят к номинативным моделям XVIII–XIX вв., что усиливает их отличие как от злободневных, актуализированных европейским и американским дискурсом прозвищ, так и от кличек современных эстрадных и телевизионных поп-звезд.

Можно ли, – спросит читатель, – в одну лексикографическую телегу впрячь столь различных «коня и трепетную лань»? Позволительно ли с лингвистической точки зрения в корпус словаря современных русских прозвищ включать и третий их тип, коллективные прозвища? Нам кажется, что для этого есть как общелингвистические, так и прагматико-лексикографические основания.

Во-первых, все три группы интересующих нас языковых единиц имеют несомненно ономастический статус, что отличает их от всей остальной апеллятивной лексики.

Во-вторых, в безбрежном море собственных наименований они имеют свою четко выраженную ономастиологическую и функциональную специфику: именуют лица или группы лиц по маркированному, «ориентационному» признаку – чаще всего коннотативно насыщенному и потому в речи постоянно актуализируемому. В-третьих, семасиологические и словообразовательные модели всех этих трех групп нередко пересекаются, создавая своеобразные цепочки. Так, вторая группа во многом становится источником первой: школьные и студенческие клички М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, В. В. Жириновского, Е. Т. Гайдара, Г. А. Зюганова, А. Пугачевой, Ф. Киркорова и многих других актуализируются в новых условиях средствами массовой информации и экспрессивно перезаряжаются, сохраняя при этом исходную языковую мотивацию и репродуцируя соответствующие словообразовательные модели. Вторая же группа наименований часто связана с третьей группой коллективных прозвищ и генетическими, и типологическими узлами. Так, прозвищем Б. Е. Немцова давно стало реэтимологизированное *Немец* [Щуплов, 1999, 142, ЖРП, 192], а школьные прозвища *Немой*, *Немыч* – учитель немецкого языка, *Нерусская* – учительница иностранного языка, *Нерусский* – учитель иностранного языка [Вальтер, Мокиенко, 94] прямо восходят к номинативным моделям коллективных прозвищ. Упомянутое выше коллективное прозвище *чернонёбый* (о жителе Коломны), конечно, отличается по распространенности и хронологии от современных просторечных и жаргонных прозвищ жителей Кавказа и Средней Азии – *чёрный*, *чернослив*, *чернота* [БСЖ, 668], однако мотивационная модель их все-таки объединяет.

Коллективные прозвища в русской народной речи были скрупулезно собраны, детально исследованы и лексикографически описаны в кандидатской диссертации представительницы уральской ономастической школы Ю. Б. Воронцовой [2002]. Часть из них, с согласия исследовательницы, войдет в наш словарь (разумеется, с лексикографической обработкой в русле общей его концепции). Внимательное изучение этого обильного материала, положенного на дробную сетку русского (особенно северно-русского) диалектного пространства, показывает, что даже между окказиональными и периферийными коллективными прозвищами и онимами первых двух групп существует немало общего. Так, прозвище *немтыри*, *немцы*, зафиксированное в д. Лысиха Костромской обл., д. Пахомово Ярославской обл., справедливо связывается автором с рус. *немтырь* ‘немой’, *немец* ‘немой или же не говорящий по-русски всякий иностранец с запада’ [см.: Воронцова, 2002, 180]. Вряд ли какой лингвист или носитель языка усомнится в том, что между прозвищем Б. Е. Немцова (первая группа), обозначением немцев как народа (вторая группа) и коллективным прозвищем, отмеченным Ю. Б. Воронцовой (третья группа), существует прямая языковая и культурологическая зависимость. Таких примеров прозвищного «триединства» можно найти немало. Приведем лишь несколько из них, отталкиваясь от материалов екатеринбургской исследовательницы.

АЗИЯТ. *Кол. Волог.* Житель д. Шилово. Прозвище по внешнему признаку (раскосые глаза были у большинства жителей) и общеязыковыми негативными коннотациями, связанными со словом *азиат* [Воронцова, 2002, 141].

АЗИК. *Жарг. Пренебр. Магнит.* Среднеазиат [Максимов, 2002, 12].

БАКЛАН. *Кол. Волог.* 1. Житель д. Киснема, Дерягино. 2. Астраханец, живущий по гористому берегу р. Волги, до Саренты [СРНГ, 2, 61]. 3. Прозвище тяжелого ребенка, долго не начинающего ходить [Там же, 60]. 4. Прозвище, даваемое друг другу детьми. 5. Неповоротливый крестьянин [СРНГ, 2, 60] < *баклан* – 1. Человек с большой головой [Даль, 1, 40]. 2. *Вят.* Толстый, неповоротли-

вый, неуклюжий человек [СРНГ, 2, 60]. Ср. также: *баклан* – 1. Большая водоплавающая птица отряда веслоногих с темным оперением, с крепким острым клювом. 2. Нарост на дереве, используемый как трут [Воронцова, 2002, 141].

БАКЛАН. *Жарг. Студ. Пренебр.* Студент-практикант [Вальтер и др., 2003а, 1].

ВОРОБЕЙ. *Мол. Студ.* 1. Студент-первокурсник [Вальтер и др., 2003а, 164; Максимов, 2002, 69]. 2. Милиционер [Максимов, 2002, 69].

ВОРОБЕЙ. *Кол. Арх.* Жители н. п. Торопово, Махонина < мотивировка по внешнему виду (малый рост) и подвижности [Воронцова, 2002, 148].

ГАД, -а, м. *Бранно. Деаббр.* 1. Глава администрации президента РФ. 2. Николай Бордюжа (бывший глава администрации президента) [Щуплов, 1999, 19] 3. Александр Волошин (бывший глава администрации президента) [Там же, 27] < слово *гад*, первоначально обозначавшее змею, употребляется в бранных значениях ‘мерзкий, отвратительный человек’, ‘сотрудник милиции в форме’, ‘сотрудник уголовного розыска’ и др. [Мокиенко, Никитина, 2003, 101].

ГАДЫ, -а, м. *Кол.* Жители Вятской губернии. *Вятчане-гады – наделали беды* (поговорка) < «Их прозвали гадами, т. к. они слепороды: коли станет смеркаться, так не видят» [СРНГ, 6, 90]. *Гад* – ползучее животное, пресмыкающееся [Даль, 1, 340]. По внешнему виду: возможно, в основе прозвища – узкие (маленькие) глаза, как у пресмыкающихся [Воронцова, 2002, 151].

ГОЛЫШ. *Кол. Киров.* Житель н. п. Мухилы [ЛК ТЭ] < прозвище по признаку «бедный, нищий»; *голыш* – безземельный крестьянин (*Костр.*); прозвище: бездомник (*Новг., Волог.*) [СРНГ, 6, 347] [Воронцова, 2002, 152].

ГОЛЬ, -и, ж. **Голь перека́тная. Студ. Шутл.* Студент, переписывающий чужие конспекты [ПБС, 2002; Вальтер и др., 2003а, 38].

ГРАЧ. *Кол. Волог.* *(*Ерте́бинский*) *грач. Кол. Волог.* Житель д. Ертебино < образовано по «птичьей модели» с мотивацией по особенностям речи [Воронцова, 2002, 153].

ГРАЧ, -а, м. *Шк. Шутл.* Учитель биологии, зоологии. *Грач нас засек вчера, доложит диру, не сомневайся* (запись 2001 г.) [Вальтер и др., 2003а, 39]; **Грач нелетающий. Пренебр. Шутл.-ирон.* Павел Сергеевич Грачев (Аргументы и факты, 1995, 28 дек.) [ЖРП, 163].

ПЛЕХАЧ. *Кол. Пренебр. Волог.* Житель д. Имачев [ЛК ТЭ] < прозвище по внешнему виду; *плехач* – плешивый человек [Даль, 3, 126] [Воронцова, 2002, 185].

ПЛЕШИВЫЙ, -ого, м. *Студ. Шутл.-ирон. (ист.).* В. И. Ленин. *Учись, студень, как завещал Плешивый* (запись 2003 г.).

ПЛЕШКА, -и, ж. *Шк. Пренебр.* Пожилой учитель (запись 2003 г.).

ПЛЕШЬ, -и, ж. **Плесь безумная. Шк. Шутл.-ирон.* или *презр.* Лысый учитель (запись 2003 г.).

ПОЖАРНИК, -и, м. *Фам. Ирон.* Сергей Степашин (экс-премьер, 1999 г.) [Щуплов, 1999, 186].

ПОЖАРНИКИ. *Кол. Арх.* Житель д. Борисовская, Пушкино. *Они на теплоход все время опаздывали, просят, а потом, как пожарники, одеваются, сумки хватают и бегут. Вот у нас бы пожарники сейчас так бегали* (д. Борисовская). *За лихость, за быструю езду на лошадах. На собраниях колхозники плохо слушали председателя, он назвал их пожарниками. Так и повелось* (с. Бестужево) [ЛК ТЭ] < ср.: *как на пожар* – очень быстро, торопливо (что-либо делать) [Воронцова, 2002, 186].

РОТАН, -а, , м. *Фам. Пренебр.* Борис Иванюженков (министр спорта в правительстве В. В. Путина) [Щуплов, 1999, 79] < *ротан* – 1. *Прост.* О человеке с большим ртом. 2. *Диал.* О крикуне, горлопане.

РОТОНЬ. *Кол. Волог.* Жители д. Кузьминское. *Кузьмян все ротунам звали, кричали больно* [ЛК ТЭ] < прозвище дано по громкой речи [Воронцова, 2002, 189].

СОВА, -П, ж. *Шк. Шутл.* 1. Вахтер, сторож (запись 2002 г.). 2. Библиотекарь. *Сова уходит в книжный магазин работать. Тоже мне, нашла фирму!* (запись 2003 г.) [Вальтер и др., 2003а, 124].

СОВЫ. *Кол. Арх.* Жители с. Дорогорское. *Совы в Дорогорах живут, не спят по ночам, а смотрят* (Мезенский р-н, д. Жердь) [ЛК ТЭ] < образовано по «птичьей» модели: совы не спят ночью [Воронцова, 2002, 193].

ТАТА́РИН, -а, м. *Фам.* Рем Вяхирев [Щуплов, 1999, 28].

ТАТА́РЫ. *Кол. Волог.* Жители д. Носково, Никитино [ЛК ТЭ] < прозвищный этноним, отражающий идею «чуждости» номинируемого коллектива по отношению к коллективу номинаторов [Воронцова, 2002, 194].

УБЫ́ЙЦА, -ы, ж. **Убийца среди нас. Шк. Шутл.-ирон.* Учитель в классе [Golds 2001; Вальтер и др., 2003а, 137].

УБЫ́ЙЦЫ. *Кол. Арх.* Жители д. Матвера. *У нас ребята боевые были: ни один праздник без драки не обходился – дак в соседних деревнях нас и прозвали убийцы* (Пинежский р-н, д. Заозерье) [СП, 2000, 117] < прозвище по социальному поведению и чертам характера [Воронцова, 2002, 197].

ФАРАО́Н, -а, м. *Шк. Шутл.* Учитель истории [Максимов, 2002, 447; Вальтер и др., 2003а, 140].

ФАРАО́НША, -и, ж. *Шк. Шутл.* Учительница истории [Волкова, 2003, 679].

ФАРАО́НЫ. *Кол. Арх., Волог., Мурман.* Жители д. Красная Гора, Наволок, Кимжа, Тордокса, Нижней, Вавилово и др. [ЛК ТЭ], с. Варзуга [Меркурьев, 1979, 171] и др. *Фараон – на колеснице, варзужанин – на поезднице* [Меркурьев, 1979, 171]. *Народ зырь прозывается в Кузнецове, а в Наволоке фараоны, а мы – трескоеды* (д. Кузоверская). *Скупые они, подозрительные, как фараоны* (д. Васильевская). *Богатые они* (с. Бабушкино). *Они растягают, ровно как не наши, у них разговор не наш, как-то они не вытягивают* (д. Паденьга). *Мы им (жителям д. Наволок) кричим: «Фараоны-тюфяки!»*. *А они нам: «Орешки!»*. *А мы им: «Х... поешьте!»* (д. Сверчково) [ЛК ТЭ]. < Образ фараонов – один из самых загадочных в русской народной культуре. Генетически он связан с образами египетских фараонов, однако существенно трансформировался в русском языке, мифологии. Ср.: *фараон* – полцейский [БАС, 16, 1258]; фантастическое существо с человеческой головой, туловищем и рыбьим хвостом; русалка [Власова, 1995, 331–332]. В народных поверьях образы фараонов сливаются с образами водяных и русалок. На Вологодчине «древними людьми», «фараоновым войском» считали лягушек, что, вероятно, восходит к библейскому сюжету о казнях египетских. Название *фараон* часто употребляется в бранных выражениях. Трудно определить конкретные обстоятельства появления этих прозвищ, можно лишь отметить негативную коннотацию, а также сему «чуждости» [Воронцова, 2002, 198].

ЧА́ЙНИК, -а, м. *Жарг. Пренебр.* Простак, простофиля; неопытный в чем-либо человек, новичок [БСЖ, 664]. Такое значение связано с народным обычаем вручать сватам жениха, которому невеста отказывает, какой-либо полый, пустой предмет – тыкву, корзину, ковш, котелок или пустой чайник. Жениха-неудачника, а затем и неудачника, неловкого новичка вообще поэтому в народной речи и жаргоне называют *чайником* [см.: Мокиенко, 1982, 366–369; Мокиенко, 1985, 60–70; Коваль, 1998, 93–97; Мокиенко, 1999а, 25–37; Mokienko, 2002, 249–252; Березович, 2003] **Красный чайник. Фам.-ирон.* Николай Игнатович Кондратенко (бывший губернатор Краснодарского края) (Трибуна, 2000, 13 сент.; Fiti1, 2003, 27 нояб.) [ЖРП, 179; Щуплов, 1999, 99] < эпитет *красный* дан за радикальные взгляды на политику и по национальному вопросу.

ЧА́ЙНИКИ. *Кол. Волог.* Жители с. Малое Борисово [ЛК ТЭ] < предполагают, что в основе прозвища лежит мотив чаепития [Воронцова, 2002, 199]; возможно, однако, и объяснение на основе обычая отказа от сватовства (см. выше).

ЯПО́НЕЦ, -ца, м. *Пренебр.* 1. См. ЯПО́НЧИК [ЖРП, 171]. 2. Евгений Максимович Примаков (Крестьянин, 2000, 2 марта) [ЖРП, 195].

ЯПО́НЧИК, -а, м. *Пренебр.* Вячеслав Кириллович Иваньков (Коммерсантъ, 1993, 3 мая) [ЖРП, 171].

ЯПО́НЧИКИ. *Кол. Волог.* Жители д. Удачино. *Удачино почему-то стали Японией называть, а кто из той деревни приходил, так тот Япончиком был* [ЛК ТЭ] [Воронцова, 2002, 203].

Как видим, типы номинаций даже узколокальных коллективных прозвищ перекликаются с самыми современными кличками политиков и других популярных лиц. Собственно, в общей массе прозвищ языковые единицы третьей группы приближаются к ономастическому статусу этнонимов и названий жителей населенных мест, и потому функция обозначения лица, столь значимая для выделения прозвищ в особый разряд, у них представлена лишь в большей степени обобщенности, чем в первых двух группах.

Понятно, что исчерпывающее, абсолютно полное описание коллективных прозвищ в нашем словаре столь же невозможно, как и отражение в нем материала второй группы. Невозможно по тем причинам, которые уже оговаривались, и прежде всего из-за открытости ряда и разной степени распространенности коллективных прозвищ. В процессе создания базы данных для нашего словаря мы ориентировались на собрание подобного материала В. И. Даля, со свойственным ему лексикографическим вкусом отобравшего коллективные прозвища XIX в. Коррективом и дополнениями к этому собранию служили выборки из диалектных словарей, которые по-разному в количественном и качественном отношении отражают коллективные и другие прозвища, что зависит как от лексикографических установок составителей, так и от квалификации собирателей материала. Во многих из диалектных словарей такие прозвища либо полностью отсутствуют, либо отражены спорадически. С другой стороны, некоторые небольшие по объему и локальные по ареалу словари предлагают такой материал в избытке: так, например, уникальный двухтомный «Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина, где коллективные прозвища жителей мещерских деревень гармонически сочетаются с кличками отдельных жителей, убедительно демонстрируя тесную связь общего и индивидуального.

Нет сомнения, что лексикографическая обработка каждой из интересующей нас группы русских прозвищ – актуальная задача нашей ономастики. Чем больше будет качественных работ такого рода, тем легче будет искать *tertium comparationis* для их обобщенного описания. Как увидит читатель, в нашем словаре и система подачи материала, и система стилистических помет, и дефиниции, и паспортизация, и историко-этимологические справки существенно отличаются от обработки прозвищ как особого объекта описания у наших предшественников и в наших предыдущих словарях жаргонизмов, советизмов, фразеологизмов и т. д. Это и понятно: концентрация внимания на данных трех группах, с одной стороны, заставила нас посмотреть на этот материал как на нечто единое и компактное с функционально-семантической точки зрения, с другой – дала возможность несколько абстрагироваться от утонченной специализации, которая требуется при обработке каждой из трех групп, входящих в прозвищное поле.

Как видим, между интересующими нас типами русских прозвищ – дистанция не столь уж огромного размера, как может показаться. Это не «конь и трепетная лань», а всего лишь «лошади разной масти и возраста», которые вполне пригодны для одной лексикографической упряжки. Впрягая эту прозвищную тройку в единую словарную телегу, мы, как выше обосновывалось, попытались дифференцировать каждую из этих групп различной степенью полноты соответствующих словников. Подчеркнем еще раз вкратце эти различия ввиду их учета при составлении словаря.

Группу обозначений популярных лиц мы стремились описать с максимальной полнотой и точностью, что нашло отражение как в списке лиц, наделенных прозвищами, так и в фиксации прозвищных синонимов и вариантов. Группа школьных и профессиональных прозвищ отражена в нашем словаре весьма полно, но не исчерпывающе, ибо иначе он рисковал бы превратиться в телефонную книгу с кличкой каждого конкретного учителя или ученика каждой конкретной школы. Для этой группы мы стремились к полному воспроизведению модели номинации, а не всех ее конкретных воплощений. Для группы прозвищ этнонимического и оттопонимического типа избрана тактика «золотой середины»: наименования народов и жителей известных городов и местностей

мы старались описывать максимально полно, локальные же и устаревшие единицы – как реализации типовых моделей соответствующих прозвищ и кличек.

В отдельных случаях (когда наши записи или конкретный источник не позволяют точно квалифицировать описываемое прозвище) в состав словаря включаются слова или выражения, стоящие на грани между апеллятивом и прозвищем (например, *швабра* ‘проститутка’, *мент* ‘милиционер’). В корпусе прозвищ ряд слов и выражений, являющихся переходными от общего к индивидуальному, от апеллятивного к «собственно-именному», довольно велик, особенно в таких тематических блоках, которые экспрессивно обозначают внешние признаки человека. Таковы, например, прозвища людей полной или худощавой комплекции: *Бочка*, *Сороковая Бочка*, *Комод*, *Тумба*, *Шкаф*, *Пышка*, *Селедка*, *Килька*, *Шпротина* и т. п., фиксируемые нередко в отношении конкретных лиц.

В очень ограниченном количестве (с целью демонстрации типовых моделей наименования) в словаре представлен и новый, весьма специфический тип прозвищ – клички-самоназвания из русского Интернета, которыми инициаторы «чата» обозначают самих себя, например, *Чахлик*, *Ночной Пес*, *Мифисто*, *Закупок*. Их функциональная специфика заключается именно в акте «самообозначения», который является весьма субъективным. Такие клички играют роль пароля, «позывных» участника чата и требуют специального изучения. Вместе с тем, как верно подчеркнул в уже упомянутой дискуссии в Щецине А. А. Шумейко, в современной молодежной речи наблюдается экспансия «чатовых» кличек, многие из них становятся модными и ходовыми, постепенно «обкатываясь» как обычные прозвища, что делает их важным источником современного прозвищного лексикона.

По совсем иным причинам в словаре ограничено число бранно-обценных прозвищ, многие из которых также занимают положение между именами собственными и нарицательными.

Включение в корпус словаря столь широкого «ассортимента» материала оправдано прежде всего его номинативной и коннотативной прозвищной спецификой. Вот лишь один пример того, сколь функционально-семантически необходимым, характерологическим и «идееносным» оказывается прозвище в художественном тексте. В романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого», удостоенном самой престижной в России Букеровской премии, один из героев, врач-генетик, отбывший незаслуженное заключение, возвращается в Москву и пытается устроиться на работу в Институт генетики, возглавляемый директором, его старым знакомым.

Падение Хрущева, происшедшее, пока Гольдберг отбывал свой последний срок, только тем и было для него интересно, что оно означало окончательное крушение Лысенко с его приспешниками. Самым существенным событием за время его отсутствия представлялась организация Института генетики. Естественно, он первым делом помчался к новому его директору, известному в молодые годы по прозвищу Боня, произведенному от Бонапарта (здесь и далее в цитате разрядка наша. – *Авт.*). Первые сорок минут встречи Гольдберг разливался соловьем, щедро сыпал свой цветной бисер отнюдь не перед свиньей... Зверь, который перед ним сидел, смотрел на него жесткими голубыми глазами, обладал стальными челюстями, железной хваткой и алмазной крепости честолюбием, соответствующим юношескому прозвищу... Директор слушал в высшей степени внимательно, но ни словом, ни движением брови не обнаруживал своего отношения.

Только через сорок минут Гольдберг почувствовал мировое оледенение, доползшее до него по длинному, буквой Т, столу от лысого коротышки, в буддийской неподвижности восседавшего во

главе письменного стола, в центре большого кабинета, в самом сосредоточии обновленной генетической науки...

Илья Иосифович остановил поток своих излияний... Перебив сам себя, резко спросил:

– Коля, ты дашь мне лабораторию?

Директор лицом смахивал несколько на Наполеона: мелкие черты лица, пухлый подбородок мягко переплывал в короткую массивную шею. Исключительной значительности незначительное лицо... Мозги его напряженно работали, но никакого выражения на лице не наблюдалось... и, сверкнув в псевдоулыбке новыми чересчур белыми пластмассовыми зубами и перебрав несколько вариантов с оттенками разной степени обидности, ответил:

– Нет, Илья. Ты мне совершенно не нужен [Улицкая, 2003, 399–400].

Юношеская кличка, как видим, не только предвосхитила этот судьбоносный для героя книги эпизод, но и вобрала в себя целый комплекс характеристик будущего директора – карьериста от науки. Более того, заклеянный этой кличкой в юности, *Боня* изначально соответствовал не «героическому» портрету Бонапарта, а тому его саркастическому образу, который нарисовал в романе «Война и мир» Лев Толстой – образу маленького человечка-ребенка, держащегося за «тесемочки кареты» и воображающего, что тем самым он правит вселенной... Так краткое прозвище оказывается сгустком характеристик, позволяющим не только мгновенно оценить отношение сверстников будущего директора к своему соученику, но и предсказать его поведение много лет спустя.

Стремясь с максимальной точностью зафиксировать подобные прозвища лиц разной степени «значительности», составители данного словаря надеялись, что они помогут читателю разобраться, кто есть кто в нашей российской действительности. Ведь при всей общей негативной оценочности прозвищ и кличек в каждом конкретном случае они имеют разную «убойную силу»: одни разят наповал, другие вызывают громкий смех, третьи лишь незлобную насмешку по отношению к носителям. Не только для социолингвистов, но и для социологов, политологов, журналистов здесь есть «информация к размышлению». Да и самим нашим «значительным лицам» не мешало бы ознакомиться с тем спонтанным народным рейтингом, который хранится в собранном нами «прозвищном банке данных». Быть может, именно здесь секрет многих политических и личных поражений, причину которых потерпевшие привыкли видеть совсем не в самих себе. Сколь ни велика ироническая кривизна зеркала прозвищ и кличек, оно все равно остается отражением правды жизни.

Лингвистическим же стимулом для составления данного словаря для нас было убеждение, все более крепнущее по мере расширения и углубления диапазона лексикографирования, что эфемерность, окказиональность и преходящность многих описываемых прозвищ – лишь кажущееся их свойство. Почти за каждым окказионализмом на проверку стоит весьма стабильная и древняя ономастическая модель образования прозвищ, которая делает узнаваемой даже самую оригинальную вновь созданную единицу.

Приведем лишь один характерный пример такого рода. В сборнике памяти Татьяны Григорьевны Винокур опубликован ее устный рассказ-воспоминание (в записи М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой) об «ушаковских мальчиках» – группе учеников Д. Н. Ушакова. Это коллективное прозвище относится к узкоспециализированной группе людей филологического круга. Некоторые детали повествования, тем не менее, свидетельствуют о потенциальной возможности «нащупать» прототип этого прозвища: «и не только вот именно мальчики...»; «он (отец Т. Г. Винокур. – *Авт.*) говорил: “Мы уже все старые / лысые / мы уже все больные / мы все / невоеннообязанные / вот это мальчики”»;

«Абрам Борисыч Шапиро / который никакого отношения к э... мальчикам / не... словарным / не имел...» [Китайгородская, Розанова, 1996, 298–299]. Поскольку это прозвище возникло в филологической среде, то можно предположить его связь с известным крылатым выражением, употребленным А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине», – *архивны юноши*. Это коллективное прозвище пушкинского времени стало обозначать сибаритствующих светских молодых людей с претензиями на высокое положение в обществе или интеллектуальную светскую молодежь первой четверти XIX в. [Мокиенко, Сидоренко, 1999, 46–47]. Шутливость оборота *ушаковские мальчики* перекликается с иронией пушкинского прозвища, тем более что в рассказе Т. Г. Винокур подчеркнута, как мы видели, «немолодость и невоеннообязанность» учеников Д. Н. Ушакова, а в *архивны юноши* зачислялись в 20-е гг. XIX в. молодые люди, которых, по словам Ю. М. Лотмана, «заботливые маменьки начали опасаться отпускать... в гвардейскую казарму», заменяя им военную службу фиктивным служением в Архиве коллегии иностранных дел [Лотман, 1994, 29].

Конечно, генетически аналогия между этими двумя различными по временной проекции коллективными прозвищами может оказаться и субъективной, однако общность семантико-типологической модели их образования все-таки несомненна. Несомненно также, что в живой русской речи подобная «генеративная модель» работает постоянно. Об этом свидетельствуют два неологизма, которые, кстати, еще раз перекидывают ономастический мостик между разными группами прозвищ, объединенными нами в общем словарном корпусе. Публицистическое шутливо-ироническое выражение *мальчики в розовых штанишках* стало популярным обозначением молодых и неопытных политических деятелей (в постперестроечном правительстве России – особенно Е. Гайдара и его окружения). Первоначально оно употреблялось депутатами-консерваторами – противниками реформ Е. Гайдара и Б. Ельцина [Мокиенко, 2003, 55]. Выражение *стайные мальчики* – коллективное прозвище юношей, находящихся под влиянием каких-либо неформальных молодежных группировок, ср.: «Думаем, что и армейская “дедовщина”, проявившаяся особенно сильно в последнее время... свидетельство похожего процесса: призыва в армию “стайных” мальчиков, вырастающих под гнетом уголовной романтики» (ЛГ, 29, 13) [НРЛ-89, 288].

Таким образом, появление той или иной конкретной клички может быть эфемерным, ее жизнь – недолговечной, как и популярность многих политиков и поп-звезд. Структурные же и семантические модели таких кличек надолго переживают их первых носителей, демонстрируя жизненность языковой генетики и творческого духа Слова. Именно такую динамичную вибрацию жизни русских прозвищ мы и стремились показать в нашем словаре.

Андреев В. К. Откуда пошли *скобари*? // Псковские говоры и их носители (лингво-этнографический аспект). Псков, 1995.

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–11. М., 1980–2001.

Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона: Феня: В 2 т. Кампана; М., 1997.

- Балдаев Д. С.* Некоторые распространенные жаргонные слова и выражения, употребляемые в уголовном мире // Татуировки заключенных. СПб., 2001. С. 157–166.
- Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М., 1992.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- Березович Е. Л.* К специфике «культурной этимологии» (на материале русской лексики, означающей отказ при сватовстве) // *Studia etymologica brunensia*, 2. Praha, 2003.
- БСЖ – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Словарь современных русских прозвищ: Экспериментальный выпуск / Под ред. А. А. Шумейко. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2004.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Словарь русского школьного и студенческого жаргона / Под ред. М. Нимайера. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slawistik, 2003a.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Словарь русского школьного и студенческого жаргона. Greifswald, 2003b.
- Ванюшечкин В. Т.* Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. Т. 1: А–Н. Воронеж, 1983. Т. 2. О–Я. Материалы по русской диалектологии. Саратов, 2002.
- Власова М. Н.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 1995.
- Власова М. Н.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. 2-е изд. СПб., 2000.
- Волкова Н. А.* Лексико-семантическая группа «наименование лица» в современном русском жаргоне // Слово. Фраза. Текст: Сб. науч. ст. М., 2002. С. 374–384.
- Волкова Н. И.* Этимологический словарь современных прозвищ Республики Коми. Сыктывкар, 2003.
- Волкова Н. И.* Прецедентные имена и словари современных прозвищ Республики Коми // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения): Материалы Междунар. науч. симпозиума, 21–22 мая 2004 г. НовГУ им. Я. Мудрого. В. Новгород, 2004. С. 32–36.
- Воронцова Ю. Б.* Коллективные прозвища в говорах Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Грачев М. А.* Арготизмы в молодежном жаргоне. // Рус. язык в школе. 1996. № 1. С. 78–85.
- Грачев М. А.* Русское аргю. Н. Новгород, 1997.
- Грачев М. А., Мокиенко В. М.* Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб., 2000.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955 (воспроизв. 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).
- Душенко К. В.* Словарь современных цитат: 4 750 цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
- Елистратов В. С.* Словарь московского аргю (материалы 1980–1990 гг.): Около 8 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М., 1994.
- Елистратов В. С.* Словарь русского аргю (материалы 1980–1990 гг.): Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М., 2000.
- ЖРП – *Моченов А. В., Никулин С. С., Ниясов А. Г., Савваитова М. Д.* Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М., 2003.
- Квеселевич Д. И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: Около 16 000 слов. М., 2003.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Устный текст как источник социокультурной информации // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 222–232.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М., 2003.
- ЛК ТЭ – лексическая картотека топонимической экспедиции УрГУ (Архангельская и Вологодская области) (материалы взяты из: *Воронцова Ю. Б.* Коллективные прозвища в говорах Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.)
- Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства. СПб., 1994.
- Мак-Киего, Уоллер.* Словарь русской брани. Калининград, 1997.
- Максимов Б. Б.* Фильтруй базар: Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Магнитогорск, 2002.

- Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Мильяненко Л.* По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб., 1992.
- Мокиенко В. М.* К разграничению генетических и типологических связей славянской поговорки // Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст: Материалы Междунар. конф. ЮНЕСКО. Киев, 1982. С. 364–369.
- Мокиенко В. М.* К разграничению генетических и типологических связей славянской поговорки // *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej.* Warszawa, 1985. С. 55–71.
- Мокиенко В. М.* К сопоставительной этнограффразеологии украинского, белорусского и русского языков (лингвистические и этнологические аспекты формулы отказа) // *Беларусістыка: Zeitschrift für aktuelle Fragen der weißrussischen Sprache.* 1999а. № 1. С. 24–39.
- Мокиенко В. М.* Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология // *Славянская филология.* Вып. 8. СПб., 1999б. С. 56–70.
- Мокиенко В. М.* Субстандартная фразеология в современных восточнославянских языках // *Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in Gegenwart. Beiträge zur Konferenz der Internationalen Kommission für slavische Schriftsprachen.* Dresden, 25–28 Oktober 2000 / Hrsg. Karl Gutschmidt unter Mitarbeit von Jana Schwarz, Claudia Richter und Silke Richter. Dresden, 2002. С. 142–164.
- Мокиенко В. М.* Новая русская фразеология. Ополе, 2003.
- Мокиенко В. М.* Почему так говорят?: От Авося до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб., 2003а.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы). СПб., 2003.
- Мокиенко В. М., Сидоренко К. П.* Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999.
- Никитина Т. Г.* Так говорит молодежь: Словарь сленга: По материалам 70–90-х годов. М., 1996.
- Никитина Т. Г.* Так говорит молодежь. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1998.
- Никитина Т. Г.* Молодежный сленг: Толковый словарь: Более 12 000 слов; свыше 3 000 фразеологизмов. М., АСТ, 2003а.
- Никитина Т. Г.* Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым: Около 2 000 слов. М., 2003б.
- НОС – Новгородский областной словарь / Сост. В. П. Строгова, А. В. Клевцова, Л. Д. Петрова и др.; Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1991–1999.
- НРЛ-89 – Новое в русской лексике: Словарные материалы 1989 / М. Н. Судоплатова, В. Н. Плотицын, Н. В. Соловьев и др.; Под ред. Н. В. Соловьева. СПб., 2001.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- ПБС 2002 – Приколы: Бестолковый словарь [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://superanekdot.narod.ru/dict/1.html>.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / Осн. Б. А. Лариным. Вып. 1–13. Л.; СПб., 1967–2003.
- ПРН – *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
- Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу: Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом / Предисл. Алена Безансона. 2-е изд., доп. Л., 1987. М., 1991.
- СМЖ – Словарь молодежного жаргона: Слова, выражения, клички рок-звезд, прозвища учителей / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 1992.
- СП – Светлое Пинежье: Путешествие по краю. Вып. 1. М.; Архангельск; Карпогоры, 2000.
- СРВС – *Козловский В.* Собрание русских воровских словарей: В 4 т. N. Y., 1983.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л.; СПб, 1965–... . Вып. 1–... .
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Л., 1934–1940.
- ТСУЖ – Толковый словарь уголовных жаргонов / Под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. М., 1991.
- Українська мова: Енциклопедія / Ред. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко (співголови), М. П. Зяблюк та ін. Киев, 2000.

- Улицкая Л. Казус Кукоцкого. М., 2003. С. 399–400.
- Чучка П. П. Прізвисько // Українська мова 2000, С. 493–494.
- Щуплов А. Жаргон-энциклопедия современной тусовки / При участии Т. Макловски и М. Кляйн. М., 1998.
- Щуплов А. Кто есть Ху: Мини-энциклопедия политических кличек. М., 1999.
- Щуплов А. Литература бывает бездоходной – но не безотходной. Начали «гладковато», а закончили «сурковой массой» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://saturday.ng.ru/things/2000-05-27/3_nicknames.html. 25 (72) 30 июня 2001 г. 28. 11. 2003.
- Щуплов А. Скандал: Как стать политологом. Еще раз о воровстве // Лит. газета. 2004. № 5.
- Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов) / Под ред. А. Н. Баранова. М., 1997.
- Bierich A. «Мочить в сортире...»: Zum allgemeinen Jargon im Russischen // Слово. Фраза. Текст: Сб. науч. ст. к 60-летию М. А. Алексеенко. М., 2002. С. 56–62.
- Bońko M. Słownik peryfraz czyli wyrażeń omownych. Warszawa, 2003.
- Golds: [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://osa.golds.ru/slang/02.htm>. 12К 11. 07. 2001.
- Kopaliński W. Słownik wydarzeń, pojęć i legend XX wieku. Warszawa, 2000.
- Mokienko V. Prinzipien einer historisch-etymologischen Analyse der Phraseologie // Wer A sagt, muss auch B sagen. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis. Hrsg. Dietrich Hartmann und Jan Wirrer (= Phraseologie und Parömiologie/ Hrsg. von W. Eismann, P. Grzybek, W. Mieder. Bd. 9). Schneider Verlag Hohengehren GmbH, 2002. С. 231–254.
- Shlyakhov V., Adler E. Dictionary of Russian Slang & Colloquial Expressions. Second Edition. Revised and Updated: More than 5000 words and their popular meanings that you won't find in standard russian-english dictionaries. N. Y., 1999.
- SSLT – Slovník slovanské lingvistické terminologie. Словарь славянской лингвистической терминологии. Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology. Т. 1. Praha, 1977. Т. 2. Praha, 1979.
- Walter H. Literatur und Wörterbücher zum russischen Substandard // Lexikologie und Substandard. Gegenwärtige und künftige Aufgaben der Lexikologie. Greifswalder Beiträge zur Slawistik V. Greifswald 2000. С 87–99, 100–107.
- Walter H. Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslang / Red. V. Mokienko. Frankfurt a/M; Bern; Bruxelles; N. Y.; Oxford; Wien, 2003.
- Walter H., Mokienko V. Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch. Frankfurt a/M; Bern; Bruxelles; N. Y.; Oxford; Wien, 2001.
- Walter H., Mokienko V. Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik. Greifswald, 2002.
- Walter H., Mokienko V, Niemeyer M. Sprache der Jugend. Kleines russisch-deutsches Wörterbuch. Greifswald, 1999.
- WJP – Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Т. 2. Współczesny język polski / Pod red. J. Bartmińskiego. Wrocław, 1993.

* * *

Харри Вальтер – доктор филологии, доцент кафедры общего и славянского языкознания Института славистики Грейфсвальдского университета, член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов

Валерий Михайлович Мокиенко – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета, профессор Грейфсвальдского университета, председатель Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов